

Джон Ортберг

Не бойтесь Сомнений

Можно ли верить и сомневаться одновременно?

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2013

Предисловие

Скажу по секрету: я сомневаюсь.

Я потратил жизнь на изучение богословия, на раздумья о Боге, на чтение книг о Нем (я много лет преподаю богословие). Я вырос в церкви. Ходил в колледж, где преподавали верующие люди, а потом учился в семинарии. Старался идти по стезе добродетели. Никогда не куролесил в молодости.

И все-таки я сомневаюсь.

Скажу больше: после того как я умру, после того как все подтвердится (я окажусь на небесах, где ангелы поют, смерть сокрушена, «перекличка» сделана), — какая-то часть меня самого удивится всему этому. Подумать только: в конце концов все оказалось правдой! А я сомневался!

Может быть, совсем неплохо задавать вопросы, слушать возражения и открыто выражать сомнение?

Может быть, лучше не притворяться, что все люди поделены на два лагеря: на тех, кто сомневается, и тех, кто не подвергает сомнению эти истины?

Можно ли (наверное, это даже правильно) верить и в то же время сомневаться?

Ведь и у меня есть вера. *И я делаю ставку.*

К тому же веру (как и сомнение) нередко встречаешь там, где совсем не ожидаешь встретить. Несколько месяцев назад я получил письмо по электронной почте — меня

просили выслать тысячу копий книги, которую я написал. Это была неслыханная просьба (столько, кроме моей матери, у меня никто не просил), и я решил узнать, в чем дело.

Письмо прислал молодой мужчина по имени Керк, крупный менеджер, отец троих дочерей, человек с блестящим будущим, год назад обнаруживший у себя болезнь Лу Герига*.

Несмотря на постигшую его трагедию, Керк был убежден, что именно вера — его единственная надежда. И потому в последние месяцы он решил собрать всех, кого горячо любил, и поразмышлять о самом главном.

Врачи сказали, что жить ему осталось от двух до пяти лет, но он умер через девять месяцев. Я пишу эти строки в самолете, возвращаясь с поминального обеда, который дала его семья. Там было около сотни гостей, я смотрел видеозапись, на которой Керк, сидя в инвалидном кресле и уже с трудом дыша, говорит, что вера в Бога — единственная сила, которая поддерживает его.

Отец Керка подвез меня до аэропорта. По дороге он рассказывал о своей нелегкой жизни: о том, что его мать умерла, когда ему было четыре года, а вот теперь, когда ему за семьдесят, он потерял сына. Он говорил, что когда-то был агностиком, а теперь стал верующим.

Я не знаю, почему в одном человеке трагедия уничтожает веру, а в другом, наоборот, рождает ее. Страдание не только поднимает вопросы, на которые нет ответа, но и говорит, что, по всей видимости, единственная наша надежда находится за пределами нас самих.

В вере, как и в жизни, существует какая-то тайна, которую я не могу понять до конца.

---

* Болезнь Лу Герига — медленно прогрессирующее неизлечимое заболевание центральной нервной системы, поражающее головной и спинной мозг. — *Примеч. пер.*

Если вы всерьез зададите вопрос о реальности веры *и* сомнения, самое важное слово в этой фразе окажется посередине.

Потому что большинство людей, я уверен, верят и сомневаются одновременно.

И мне кажется дерзостью, когда люди, занимающие ту или иную позицию в вопросе о Боге, пишут так, будто любой разумный человек непременно согласится с ними, — по той простой причине, что если бы их мнение не было разумным, они, конечно же, не отстаивали бы его.

Могу ли я верить и продолжать следовать за истиной, куда бы она меня ни повела?

Бывает ли в нашей жизни так, что сомнение оказывается тем незванным гостем, который иногда, в правильной ситуации, приносит благо?

Я хочу знать...

Вера, сомнение, рождение

Самая глубокая тема человеческой истории, в сравнении с которой все прочие лишь второстепенны, — это противоборство скептицизма и веры.

Вольфганг Гете

Однажды в Иллинойсе, где в ту пору в маленьком глухом переулке жила моя семья, у троих женатых мужчин из четырех домов, стоявших неподалеку от нашего, случился инфаркт, хотя им было всего лишь за сорок.

Случившееся сразу привело к двум результатам. Во-первых, моя жена захотела подробнее разобраться в нашем медицинском страховом полисе. Во-вторых, всем захотелось узнать, что же находится по ту сторону, когда сердце перестает биться. Вопросы о Боге, небесах, смысле жизни и смерти перестали быть теоретическими.

И в тот год меня поразило, как глубоко вера и сомнение входят в нашу жизнь. Часто мы воспринимаем их как некие противоположности. Во многих книгах отстаивается или первое, или второе. Но если в чем-то одном они и не сходятся, то в другом поразительно похожи: они одинаково связаны с последними вопросами, одинаково неожиданно возникают в неожиданные моменты и оказываются одинаково необходимыми.

Я должен знать истину. Поэтому я сомневаюсь. Если бы я не сомневался, я был бы просто еще одним из тех рождающихся каждую минуту простаков, которым был так рад

Ф. Т. Барнум*; я попался бы на удочку любого шутовского обмана. Но я презираю обман.

У меня должна быть надежда. Поэтому я верю. Если бы я не верил, я погрузился бы в отчаяние. А я страшусь отчаяния.

Но кроме веры и сомнения еще есть выбор. Я должен решить, по какой дороге идти. *Должен сделать ставку.*

Почему я верю

Если бы вы спросили меня, почему я верю в Бога, я, наверное, рассказал бы вам историю про одну маленькую девочку. Нельзя сказать, что с нее началась моя вера, но встреча с ней стала новой главой в моей жизни. Я не знал, что когда эта малышка придет в мой мир, она принесет с собой Бога.

Когда мы с Нэнси узнали, что наш первый ребенок скоро появится на свет, мы вместе прослушали курс Ламаза**. Чтобы не пугать будущих мам, инструкторы на этом курсе не употребляли слово *боль*. Они говорили *дискомфорт*. Например: «Во время родов вы можете почувствовать некоторый дискомфорт».

На вторую годовщину нашей свадьбы у Нэнси начались схватки, вылившиеся в двенадцатичасовые роды. (Рождение всех наших малышей совпало с известными датами, а Джонни вообще превзошел всех остальных — он появился

---

* Финеас Тейлор Барнум (1810–1891) — известный своими мистификациями американский шоумен, фокусник, антрепренер, основатель американского цирка. Его девиз: «Каждую минуту рождается еще один протак». — *Примеч. пер.*

** Французский акушер Фернан Ламаз в 50-х гг. XX в. разработал метод подготовки к родам, основная цель которого — повышение уверенности матери в ее способности родить, помощь в устранении болезненных и болевых ощущений, облегчение родового процесса и создание психологически комфортного настроения. — *Примеч. ред.*

2 февраля*, и врач не мог не пошутить, сказав, что если бы Джонни увидел свою тень, он шмыгнул бы обратно, и беременность жены затянулась бы еще на шесть недель.)

Тело нашей малышки Лауры заняло необычное положение в теле Нэнси («к солнечной стороне», как говорили медсестры), и в результате самая твердая часть ее головки давила на позвоночник матери. Каждая родовая схватка вызывала мучительную боль. Хуже всего стало после одиннадцати часов и введения нескольких доз питоцина, чтобы схватки усилились. Одной рукой врач резко повернул плод внутри тела моей жены на 180 градусов. Нэнси издала такой крик, который я никогда не забуду. Как нас учили на курсах, я должен был сказать примерно следующее: «Дорогая, ты чувствуешь некоторый дискомфорт?», но у меня язык не повернулся назвать эту дикую боль дискомфортом.

В конце концов, чтобы извлечь ребенка, врачам пришлось воспользоваться вакуумным экстрактором со специальным приспособлением. (Инструкторы на курсах предупреждали, что в результате такой процедуры череп ребенка может принять удлиненную форму, но только на некоторое время.)

Внезапно боль стихла, и у нас в руках оказалось маленькое существо с конусовидной головкой, а мы были совершенно не готовы к тому миру, в который вступили. Раньше Нэнси никогда особенно не привлекали дети, но сейчас, держа малышку на руках, она оглядывала комнату, как мать-тигрица.

— Я *убила* бы за этого ребенка, — сказала она.

---

* 2 февраля — так называемый День сурка, когда определяется время наступления весны. Считается, что если сурок, выбравшись из норы в солнечную погоду, увидит свою тень и спрячется обратно, зима затянется еще на шесть недель. — *Примеч. пер.*

Я ответил, что большинство матерей, как я думал, обычно говорят, что они *умерли* бы за своих детей.

— *Умереть*? Зачем мне умирать? Если я умру за нее, я не смогу быть с нею. Я *убила* бы за нее. — И она снова так оглядела комнату, словно надеялась, что кто-то даст ей возможность показать, что она не шутит.

Я взял малышку из ее рук и был просто ошеломлен тайной присутствия человеческой личности. И дело было не в строении ее тела, хотя и оно изумляло. Не в моей внезапной любви к этому существу, хотя она уже не знала границ. Меня ошеломляло то, что я нахожусь рядом с новой *душой*.

Я сказал Нэнси:

— Не могу поверить, что в этой комнате находится живое, бессмертное существо из плоти и крови, для которого все впервые. Она будет расти — и мы будем наблюдать за ней. Она станет женщиной. А потом однажды постареет. Эти рыжие волосы посереют, а потом побелеют; эта кожа, сейчас такая розовая и гладкая, покроется старческими крапинками, станет морщинистой, и она превратится в старую даму, сидящую в кресле-качалке, — но это будет *та же самая личность*.

— Да, — сказала Нэнси, — но я бы убила и за старую даму.

Вскоре, обернув это крохотное тельце полотенцами и одеялами, мы отправились на моей старой машине домой. Я ехал так, как будто вез взрывчатку: прижимался к обочине, мигал сигнальными огнями, старался, чтобы скорость была не больше двадцати пяти миль в час, и брал всех автомобилистов, которые попадались на нашем пути. Да и как иначе, если речь идет о сохранении новой души?

Держа Лауру на руках, я просто не мог поверить, что она — какая-то случайность. Я не мог поверить, что вселенная — просто случайная, беспорядочно работающая маши-

на, которой все равно, люблю я свою дочь или ненавижу. И дело не в том, будто у меня было много доводов в пользу того, что у ребенка есть душа, и я верил всем этим доводам. Дело не в том, будто эта уверенность всегда с неизменной силой живет во мне. Это не так.

Дело в том, что эта уверенность росла во мне, и я не мог от нее избавиться. Я не мог смотреть на Лауру и думать по-другому. Я не мог держать ее и не благодарить при этом Кого-то за то, что она у меня есть. Я не мог думать о ее будущем, не молясь Кому-то более сильному и мудрому, чем я, о том, чтобы Он смотрел за ней. Появившись на свет, она вместе с собой принесла мир, задуманный как дом для людей. Мир, проникнутый Божьим дыханием.

Каждый ребенок свидетельствует о том, что Бог желает, чтобы мир продолжал существовать. Писатель и общественный деятель Эли Визель, переживший ужас холокоста и порой терзающийся сомнениями, написал, что причина, по которой постоянно рождается так много детей, в том, что Бог любит истории.

Почему я сомневаюсь

Но, с другой стороны, если бы вы спросили меня, почему я сомневаюсь, я, наверное, снова рассказал бы вам историю о девочке.

У одной чудесной семейной пары, которую я давно знаю, была прекрасная маленькая дочь. Она была так красива, что люди останавливали их на улице, чтобы поговорить о ее красоте. А родители этой девочки были такими, каких можно пожелать каждому ребенку.

Рядом с их домом был бассейн.

Однажды летом выдался такой чудесный день, что мама решила поставить во дворе детский манеж, чтобы и дочка

порадовалась этому дню. Зазвонил телефон, и мама пошла в дом ответить на звонок. Дочь дернула за стенку манежа, и шарнир, державший ее, выпал. Так могло бы и не случиться. Бог мог бы не дать ему выпасть. Он мог бы «дотянуться» с небес, поправить шарнир и поддержать манеж. Он не сделал этого. Шарнир выпал, стенка упала, девочка выползла наружу, а небеса молчали.

Когда мама вернулась, она увидела, что красивое маленькое тельце ее любимой дочери лежит на дне бассейна. Это было началом той боли, у которой нет названия. Мать умерла бы, если бы ее смерть изменила тот единственный миг. Но ей пришлось жить. И мысль о том, какой могла бы стать ее дочь, приходит к ней в каждый день рождения дочери, на каждое Рождество и в тот день, когда ее дочь могла бы окончить среднюю школу. Эта мать будет жить в пустоте, с чувством вины, в одиночестве.

Когда та маленькая девочка ушла, она оставила позади себя мир, где Бог молчал.

Федор Достоевский, который был верующим человеком, говорил, что смерть одного-единственного ребенка способна разуверить в Боге. Но смерть, конечно, не ограничивается лишь одним ребенком. Эли Визель рассказывает о своей первой ночи в концентрационном лагере, когда подогнали полный вагон детей. Их вытаскивали и бросали в огненный ров. «Я никогда не забуду... первую ночь в лагере, которая превратила мою жизнь в одну долгую ночь, семь раз проклятую и семь раз запечатанную... Никогда не забуду те мгновенья, которые убили моего Бога и мою душу и превратили в прах мои мечты. Никогда не забуду все это, даже если я обречен жить так же долго, как Сам Бог. Никогда».

Таков наш мир. Я не знаю правильных ответов, решающих эти проблемы, но я знаю некоторые неверные ответы.

Желание верить

Если порой верующие позволяют сомнению делать свое дело, могут произойти нехорошие вещи.

Иногда они предлагают поверхностные решения. Иногда дают неправильные ответы.

Иногда проповедники усиливают безмерную боль, говоря людям, что те навлекают на себя страдания своими прегрешениями. Иногда они говорят, что люди не свободны потому, что недостаточно верят.

Иногда люди хотят верить, но обнаруживают, что не могут.

Я думаю о мужчине, который двадцать лет молился за своего отца-алкоголика, но отец ничуть не изменился.

Я думаю о женщине, которая молилась за свою психически больную сестру, которая все-таки покончила с собой.

Я думаю о замечательной молодой девушке, которую оттолкнула мать, бросил отец, к которой приставал дядя. До одиннадцати лет она была атеисткой, но потом благодаря друзьям стала христианкой. Однако всю свою юность мучилась сексуальными фантазиями. Кроме того, ее стала тревожить мысль о том, что некоторые люди осуждены на адские муки только потому, что исповедуют другую религию. Она постоянно просила Бога помочь ей, дать ответ, но как будто ничего не менялось.

Я думаю о письме, которое недавно получил:

Как я могу верить, что мой друг-еврей, преданный Богу и слышащий Его лучше меня, окажется в аду, а я попаду на небеса, даже если несколько не лучше его, а просто потому, что я — христианка, а он нет? Примет ли это настоящий Бог и творец вселенной? Бога, в Которого я привыкла верить, было легко слышать, за Ним было легко идти. Теперь же я во тьме, а Бог для меня как чужой. Я молюсь, но испытываю страх, что Он не ответит, потому что теперь у меня так мало веры... меньше горчичного зерна.

Философ Андре Конт-Спонвиль проникновенно пишет о красоте смирения: «Наверное, смирение — самая религиозная добродетель. Как хочется преклонить колени в церкви!» Но он же говорит, что не может заставить себя сделать это, потому что тогда надо верить, что его создал Бог, а человеческие существа кажутся ему слишком гнусными, чтобы допустить такую возможность, и потому что тогда «вера в Бога стала бы грехом гордыни».

Желание сомневаться

Иногда люди *не* хотят верить. Ряд недавно появившихся книг, написанных теми, для кого сомнение стало профессией, — это лишь часть того, что называется новым атеизмом, а точнее — неким перевернутым евангелизмом. Эти книги написаны людьми, которые совершенно уверены, что Бога нет, и порой они как будто сердятся на Него за это. Философ Дэниел Деннет написал книгу «Переломный период», где утверждает, что веру спасает лишь мысль о том, что она свята и священна. Он говорит, что достаточно немногих критических раздумий, и станет ясно, что вера бессмысленна, «чары рассеются».

Известный автор Сэм Харрис пишет, что единственное различие между верой *в* Иисуса и мыслью о том, что ты сам *есть* Иисус, — в количестве людей в первом и втором случае. «Мы знаем, как называть людей, верящих во многое, чему нет разумного оправдания. Когда их верования чрезвычайно распространены, мы называем их „религиозными“. В противном же случае их, наверное, назвали бы „безумцами, душевно больными или несущими бред“. Обычно религиозных людей нельзя назвать безумными, но их сердечные верования как раз таковы».

Журналист Кристофер Хитченс написал книгу под названием «Бог не велик, или Как религия отравляет все вокруг». Заголовок красноречиво говорит, о чем эта книга.

В своей книге «Бог как иллюзия» оксфордский биолог Ричард Докинз пишет: «Можно утверждать, что Бог Ветхого Завета — самая неприятная фигура во всей художественной литературе. Ревнивый и гордый своим положением, мелочный, несправедливый, неумолимый уродец, контролирующий все на свете, мстительный, кровожадный ксенофоб, ненавистник женщин, да и вообще людей, расист, детоубийца, проповедник геноцида, сеятель чумы, существо, одержимое манией величия...» После всего сказанного трудно назвать Бога своим другом.

Наверное, причиной сегодняшней популярности таких книг (если считать по крайней мере чисто хронологически) стало появление романа Дэна Брауна «Код да Винчи». В этой книге Браун попытался подорвать почти все исторические основания ортодоксального христианства, хотя то, что здесь подается как история, горячо оспаривается учеными всех направлений. (Один мой друг-историк сказал, может быть, несколько нелюбезно, что «Код да Винчи» — единственная книга, прочитав которую становишься еще глупее, чем был, когда приступал к чтению.)

Начиная с того периода истории, который «скромно» называется Просвещением, людям постоянно пророчили смерть веры. Я хочу *послушать* сомневающихся, а не просто поспорить с ними, — отчасти потому, что в глубине души я и сам немало сомневаюсь, а также потому, что когда мне непременно надо выиграть спор, я бросаю своему оппоненту: «Да ты просто не понимаешь...» Никто после этого не захочет со мной разговаривать. Даже я сам.

Мне не нравятся книги, где как верующие, так и сомневающиеся стремятся создать впечатление, будто о Боге и

говорить-то нечего и любой, кто хоть что-то соображает, непременно согласится с ними, а люди из противоположного лагеря — глупые злопыхатели. Я читал о многих и знаю многих, кто не верит в Бога, но они лучше и мудрее меня. Я не думаю, что те, кто сделал сомнение своей профессией, уничтожат веру. Предсказатели не перестают умирать, а вера не перестает распространяться.

Сомнение и вера в каждой душе

Поскольку мать-природа ведет себя двойственно, постоянно посылая нам неоднозначные сообщения, в нас живет потребность и верить, и сомневаться. Рождение каждого ребенка словно нашептывает о Боге, Который любит истории, но смерть любого из детей заставляет сомневаться в существовании Бога. Писатель и философ Майкл Новак говорит, что сомнение — это не столько пограничная линия, разделяющая людей на два противоположных лагеря, сколько острое бритвы, рассекающее каждую душу. Многие верующие склонны думать, что те, кто сомневается, находятся в нравственном смятении и отчаянии. Многие сомневающиеся считают, что верующие — это не умеющие думать, догматичные моралисты, всегда готовые судить других. Но на самом деле внутри всех нас живут как вера, так и сомнение. Потому что «всем нам приходится иметь дело с одной и той же противоречивой информацией».

Может быть, у тех, кто от всего сердца верит и кто от всего сердца сомневается, больше общего друг с другом, чем с той огромной массой людей, которые, как бы находясь посередине, не очень всем этим интересуются? И верующие, и сомневающиеся в равной мере хотят понять природу Вселенной. Они одинаково согласны с тем, что

это, в конце концов, великий вопрос. Почти всем сомневающимся знакомо неприятное чувство неуверенности. В журнале «Wired» один агностик, давая обзор работ новых атеистов, пишет, что завидует их уверенности и что его самого тянет объявить себя атеистом, а не оставаться просто агностиком. Правда, в конце он говорит, что не хотел бы вступать в их ряды, потому что «можно и ошибиться». «Всю мою жизнь, — пишет другой известный ученый, — я колебался между уверенностью атеизма и сомнениями агностицизма».

Но неуверенность знакома и большинству верующих. Когда Билли Грэма, которому было уже почти девяносто, спросили, верит ли он, что после смерти Бог скажет ему: «Хорошо, добрый и верный раб!» (см.: Мф. 25:21), он помолчал и после неожиданной внутренней борьбы ответил: «Надеюсь». Однажды к Мартину Лютеру, известному поборнику оправдания верою, за помощью обратилась пожилая женщина, которую мучили сомнения.

— Ответь мне, — сказал он ей, — когда ты читаешь Символ веры, ты веришь в него?

— Да, конечно.

— Тогда иди с миром, — сказал реформатор. — Ты веришь больше и лучше, чем я.

Когда Эли Визеля попросили охарактеризовать его веру, он употребил прилагательное *раненый*. «Моя традиция учит, что самое цельное сердце — это сердце сокрушенное, и я скажу, что самая прочная вера — это вера раненая».

Я верю. Но и сомневаюсь. Острие бритвы проходит и через меня.

Иногда я впадаю в уныние, и мне кажется, будь я умнее, то смог бы покончить с сомнениями насчет Бога. Мне кажется, я снова в школе, снова решаю задачу и вопрос по-настоящему труден: из пункта А со скоростью двадцать

пять миль в час отправляется поезд, а из пункта Б — другой, со скоростью тридцать миль в час: когда они встретятся? Кажется, будь у меня правильная книга, имей я побольше времени — и существование Бога наверняка можно было бы доказать. Мне хочется думать, что сомнение — это просто проблема интеллекта. Но, по-видимому, нельзя сказать, что правильный выбор в вопросе веры (как и обоснованный выбор в пользу жизни вообще) целиком зависит от коэффициента умственного развития. Умные люди так же легко попадают впросак, как и все остальные.

В самолете трое: пилот, бойскаут и самый умный человек в мире. Мотор глохнет, самолет начинает падать, а парашютов только два. Умник хватается один из них.

— Мне очень жаль, — говорит он, — но я самый умный человек в мире, я отвечаю за планету.

И выпрыгивает. Оборачиваясь к мальчишке, пилот говорит:

— Я уже достаточно пожил на белом свете, всего повидал, а вот у тебя, парень, вся жизнь впереди. Так что бери последний парашют и живи.

— Спокойно, командир, — отвечает скаут. — Этот, который самый умный, только что прыгнул с моим рюкзаком.

В нашем мире полно умников, выпрыгивающих из самолета с рюкзаками. Один из парадоксов веры и сомнения в том, что это — предельный интеллектуальный вызов, но, как ни странно, простые и необразованные люди могут жить и оставаться очень мудрыми, а профессора философии способны сделать безрассудный выбор.

Ясно одно: рано или поздно самолет начнет падать. Мы все на одном и том же лайнере, и как для умных ребят, так и для тех, кто попроще, ситуация одна: всем придется прыгать. Каждый должен выбрать парашют. Пока не прыгнешь, не узнаешь, чей выбор оказался мудрым.

У Николаса Уолтерсторфа, блестящего философа, преподающего в Йельском университете, сын погиб в двадцать пять лет, совершая горное восхождение. Уолтерсторф — из тех верующих, которые задают вопросы. Он показывает, как некоторые люди стремятся объяснить проблему смерти мыслью о том, что Бог — ее посредник, приписывая Ему такие рассуждения в отношении своего сына: «Ты живешь дольше, чем Я запланировал для тебя, поэтому Я, пожалуй, немного встряхну эту гору. Я сделаю так, что мотор вашего самолета забарахлит: во время превосходной работы он вдруг начнет „чихать“».

Другие, например, раввин Гарольд Кушнер, стремясь объяснить страдание, говорят, что смерть причиняет боль и Богу, но Он просто ничего не может сделать. (Эли Визель однажды так возразил Кушнеру: «Если Бог таков, тогда Ему надо отойти в сторону и уступить Свое место кому-то более сведущему».)

Уолтерсторф пишет как верующий, у которого еще остались вопросы, и он не получил на них ответов:

Я не могу связать одно с другим ни разговорами о том, что это сделал Бог, ни утверждением, что Он ничего не мог поделать. Я вообще не могу примирить одно высказывание с другим... Я читал теодицеи, написанные для того, чтобы оправдать отношение Бога к человеку. Они меня не убеждают. На самый мучительный вопрос, который я когда-либо задавал, у меня нет ответа. Я не знаю, почему Бог смотрел, как мой сын падает. Не знаю, почему Он смотрит, как я страдаю от этой раны. Я не могу даже попытаться угадать ответ. Моя рана — это вопрос без ответа. Раны всего человечества — это вопросы без ответов.

Так обстоят дела с теми, кто живет в тупике, где младенцев приносят домой из роддома и хорошо присматривают за ними, а потом сердца детей перестают биться, ноги

скользят, и мы желаем знать, существует ли какой-нибудь тайный путь, куда-нибудь ведущий.

Мы верим и сомневаемся. Вера и сомнение одинаково неизбежны, но они не равнозначны. Они не могут требовать от нас одинаковой преданности. Они не одинаковы по своей силе.

Если и есть что-то за пределами этого тупика, то сомнение не в силах привести нас туда.

Оглавление

Благодарности.....	6
Предисловие.....	8
1. Вера, сомнение, рождение.....	11
2. Зачем ломать голову?.....	26
3. Какая вера действительно имеет значение?.....	41
4. Тоска по дому.....	59
5. Прыжок.....	73
6. Каждый надеется.....	91
7. Странное молчание Бога.....	109
8. Когда сомнение губительно.....	133
9. Дар неуверенности.....	151
10. Почему я верю.....	170
11. Великий Ловитор.....	193
Источники.....	204